

УДК 099.3 : 027.52(470.316-21Рыб)

Т. В. Ледовская, Т. А. Степкина
г. Рыбинск

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ И АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ ИЗ СОБРАНИЯ РЕДКОГО ФОНДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ РЫБИНСКА

В статье представлены 3 издания из фонда редкой книги Центральной городской библиотеки Рыбинска с дарственными надписями М. И. Семевского, В. И. Туманского, В. А. Соллогуба.

Ключевые слова: *книговедение, редкая книга, инскрипт, Михаил Иванович Семевский, Фёдор Константинович Опочинин, Василий Иванович Туманский, Владимир Александрович Соллогуб, Михаил Юрьевич Виельгорский.*

* * *

В фонде редкой книги Центральной городской библиотеки Рыбинска сохранилось несколько экземпляров книг с автографами людей, чьи имена значимы не только для истории Рыбинска или Ярославского края, но и для истории и культуры нашей страны в целом. Это издания с дарственными надписями М. И. Семевского Ф. К. Опочинину, В. И. Туманского на форзаце «Остромирова Евангелия» 1843 года издания, повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» с дарственной надписью «от сочинителя» тестю М. Ю. Виельгорскому.

Когда речь заходит об уникальных книгах, имеют в виду не только редкие издания, сохранившиеся в нескольких экземплярах, но и книги с определёнными особенностями, придающими им качественно новую, знаковую ценность. К такого рода изданиям относятся книги с автографами и дарственными надписями¹.

Дарственные надписи имеют давнюю традицию. С возникновением массового книгопечатания обычай оставлять надписи с добрыми пожеланиями на книгах стал весьма распространённым явлением.

© Ледовская Т. В., Степкина Т. А., 2015

¹ В научной литературе используется также термин «инскрипт» — рукописная дарственная надпись.

При этом наличие дарственной надписи на книге всегда расценивалось как знак дружеского расположения или взаимопонимания между дарителем и человеком, получавшим издание в подарок.

В дарственной надписи нередко заключается важная историко-культурная информация. Зачастую это сведения о личной и творческой биографии автора, его отношении к различным аспектам культурной и общественной жизни. Короткие строки автографа раскрывают творческую личность во всей её противоречивости, позволяют глубже проникнуть в сущность эпохи, в которой жили и трудились те, для кого книга была и творческой лабораторией, и средством общения, и предметом коллекционирования.

В фонде редкой книги Центральной городской библиотеки Рыбинска сохранилось не так много подобных уникальных изданий. Тем бóльшую ценность приобретает каждая книга, на которой осталась рукописная надпись. Основную часть инскриптов составляют автографы простых книголюбов, читателей и книговладельцев. Однако сохранилось несколько экземпляров книг с автографами людей, чьи имена значимы не только для истории Ярославского края, но и всей страны в целом. Такие книги исчисляются единицами. Их ценность выходит далеко за пределы номинальной денежной стоимости. Это предмет особой гордости библиотеки. Несколько таких книжных раритетов, хранящихся в нашей библиотеке, удалось выявить в результате исследования редкого фонда.

«Другу моему Опочинину...»

К таким изданиям, без сомнения, следует отнести «Русскую родословную книгу» (издание журнала «Русская старина», 1873)². На её титульном листе можно прочитать дарственную надпись: *«Другу моему Ф. К. Опочинину 23 февраля 1873 г. Мих. Семевский»*.

Даритель книги, Михаил Иванович Семевский, был известным общественным деятелем, историком и библиофилом³. Он издавал и редактировал один из лучших исторических журналов второй половины XIX в. — «Русскую старину», являлся составителем и издателем «Русской родословной книги», включившей в себя 162 родословия.

² Русская родословная книга / предисл. М. Семевского; изд. «Русской старины». СПб.: тип. Мин-ва путей сообщения, 1873. 379 с.

³ Энциклопедический словарь / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 57. С. 427–428.

Адресат его дарения, Фёдор Константинович Опочинин⁴ — известный археограф и библиофил, человек, много сделавший для развития народного образования в Ярославской губернии, выходец из очень интересной семьи. Его отец, флигель-адъютант Константин Фёдорович Опочинин (1808–1848) — знакомый и партнёр М. Ю. Лермонтова по шахматам, дед — видный государственный деятель царствования Николая I Фёдор Петрович Опочинин (1778–1852), а бабушка (жена Фёдора Петровича) — Дарья Михайловна Опочинина — дочь прославленного фельдмаршала М. И. Кутузова. Мать Фёдора Константиновича, фрейлина Вера Ивановна (урожд. Скобелева), после смерти мужа в 1848 г., вместе с детьми уехала в родовое имение — село Шишкино Мышкинского уезда Ярославской губернии, где и прожила всю оставшуюся жизнь.

Ф. К. Опочинин окончил петербургскую Мариинскую гимназию. В 1864–1865 гг. прослушал курс на юридическом факультете Петербургского университета, служил в Государственной канцелярии в Петербурге. Долгое время он занимал почётную должность предводителя мышкинского дворянства. Владел очень ценной коллекцией книг и рукописей, которые частью собрал сам, частью получил по наследству от своего предка, известного вольнодумца и библиофила XVIII в. И. М. Опочинина. Книги из этой коллекции Ф. К. Опочинин передал созданной им в Мышкине публичной библиотеке, а рукописи и автографы поступили в Императорскую публичную библиотеку.

Фёдор Константинович сотрудничал с несколькими периодическими изданиями. Так, в газете «Биржевые ведомости» он помещал корреспонденции из Ярославской губернии и небольшие собственные статьи по общественным вопросам. Материалы из своего книжного собрания отправлял для публикации в уже упомянутый журнал «Русская старина». Деловые связи и общее увлечение историей способствовали сближению М. И. Семевского и Ф. К. Опочинина. Книга, преподнесённая её издателем в качестве подарка Фёдору Константиновичу, служит подтверждением деятельного общения и тесного знакомства этих двух незаурядных людей.

Имя Ф. К. Опочинина встречается ещё раз на страницах «Положения о крестьянах 1861 г.», также хранящегося в фонде редкой

⁴ Кочуев И. И. «Сиятельные корни» господ Опочининых // Рыбинская неделя. 2012. 25 апреля. URL: <http://rweek.ru/2012/04/26/siyatelnye-korni-gospod-opochininyx/>

книги нашей библиотеки. Точнее, в памятной надписи, датированной 15 августа 1872 г. и расположенной на правой стороне форзаца: «Пожертвовано в 1872 году 15 августа Фёдором Константиновичем Опочининым». Эта дата свидетельствует, что подарок был сделан за несколько лет до открытия Мышкинской публичной библиотеки (1876). Можно предположить, что Ф. К. Опочинин передал книгу в дар Мышкинскому уездному земству. Если бы речь шла о передаче её частному лицу, то тогда, скорее всего, в надписи не использовалось бы слово «пожертвована» и были бы указаны фамилия и имя человека, которому преподносилась книга. Поскольку с начала 1870-х гг. Фёдор Константинович принимал активное участие в работе мышкинского земства, можно допустить, что он передал «Положение о крестьянах» — свод документов, регламентирующих проведение крестьянской реформы, — в распоряжение мышкинской земской управы. Управа же, в свою очередь, передала книгу в фонд мышкинской библиотеки после её открытия в 1876 г.

Опочининская библиотека во многом повторила судьбу страны, с которой была связана неразрывными узами, — судьбу императорской России. К 1924 г. библиотека фактически прекратила своё существование, а её бесценная коллекция была частично отправлена в Рыбинск. В результате несколько книг из собрания Ф. К. Опочинина оказались в фонде редкой книги центральной библиотеки нашего города. Другая, бо́льшая часть книг, была отправлена в Ярославль.

«Фебу и Фемиде полезно посвящая дни...»

В «Отрывках из путешествия Онегина» есть знаменитая строфа, посвящённая описанию Одессы:

Одессу звучными стихами
 Наш друг Туманский описал,
 Но он пристрастными глазами
 В то время на неё взирал.
 Приехав, он прямым поэтом
 Пошел бродить с своим лорнетом
 Один над морем — и потом
 Очаровательным пером
 Сады одесские прославил.
 Всё хорошо, но дело в том,
 Что степь нагая там кругом;
 Кой-где недавний труд заставил

Младые ветви в знойный день
 Давать насильственную тень⁵.

В этой строфе А. С. Пушкин отсылает читателя к стихотворению Василия Ивановича Туманского⁶ «Одесса» (1823), в котором содержится действительно «звучное» описание причерноморского края и воздаётся похвала пресловутым «садам». Однако для нас в пушкинской строфе существенен факт упоминания Туманского, отсылка к его творчеству, поскольку В. И. Туманский (1800–1860) — современник Александра Сергеевича, удостоившийся чести называться другом великого русского поэта, — оставил автограф на книге, которая сегодня хранится в редком фонде Центральной городской библиотеки Рыбинска. Речь идёт о дарственной надписи на форзаце «Остромирова Евангелия» 1843 года издания⁷. Принадлежность автографа В. И. Туманскому подтверждается прежде всего его родственными связями с семейством Опочининых.

Дарья Михайловна Опочинина — дочь фельдмаршала Кутузова и родная бабка Фёдора Константиновича Опочинина — бесспорно, является адресатом дарения. Экслибрис Мышкинской публичной библиотеки свидетельствует о происхождении данного экземпляра «Остромирова Евангелия» из Опочининской библиотеки, куда оно попало непосредственно из семейного книжного собрания Опочининых. Установить точное время знакомства Д. М. Опочининой с В. И. Туманским затруднительно. Скорее всего, они познакомились в Петербурге, возможно ещё до того, как стали довольно близкими родственниками. Но, вне всякого сомнения, их дружеские отношения должны были значительно укрепиться после того, как дочь Дарьи Михайловны — Александра Фёдоровна Опочинина (1816–1868) — вышла замуж за Михаила Ивановича Туманского (1802–1866) — родного брата Василия Ивановича.

Михаил Иванович Туманский, зять Д. М. Опочининой, сделал успешную военную и придворную карьеру. В 1837 г. он — командир Екатеринбургского кирасирского полка, полковник, затем

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1949. Т. 5. С. 204–205.

⁶ Энциклопедический словарь / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1902. Т. 67. С. 59.

⁷ Остромирово Евангелие / с прил. греч. текста евангелий и с граммат. объясн., изд. А. Востоковым. СПб., 1843. 324 с.

флигель-адъютант, шталмейстер Двора Его Императорского Величества, генерал-лейтенант. Однако не Михаилу, а его старшему брату Василию Ивановичу, было суждено прославить род Туманских. Это стало возможно в первую очередь благодаря близкому знакомству В. И. Туманского с А. С. Пушкиным, хотя Туманский поддерживал довольно тесные связи и с другими русскими литераторами 1820–30-х гг.

Василий Иванович хорошо известен исследователям пушкинского творчества, равно как всем знатокам и ценителям русской литературы первой половины XIX в. Он происходил из украинского дворянского рода, берущего своё начало от Григория Тимофеевича Туманского, бывшего протопопом Басанским в первой половине XVIII в. Фамилия Туманских присутствует в родословных книгах Полтавской, Черниговской и Орловской губерний. Герб рода Туманских внесён в шестую часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи».

Родился Василий Иванович в 1800 г. на Украине, в Черниговской губернии. Воспитывался сначала дома, затем — в Харьковской гимназии, в 16 лет был определён в Петропавловское училище в Петербурге. Окончив курс в 1818 г., уехал в Париж и высшее образование получил в парижском Collège de France. Первое своё стихотворение («Поле Бородинского сражения») он напечатал в 17 лет. Став членом «Вольного общества любителей российской словесности», сблизился с Иваном Крыловым, Кондратием Рылевым, братьями Бестужевыми и другими известными писателями того времени.

В 1823 г. определился в канцелярию генерал-губернатора Новороссийского края графа Михаила Семёновича Воронцова. В 1828 г. Туманский состоял при председателе диванов Молдавии и Валахии графе Палене по дипломатической части, участвовал в работах по составлению условий Андрианопольского договора, служил секретарём посольства в Константинополе, позже — помощником статс-секретаря Государственного Совета. Всё своё свободное время он отдавал творчеству. Стихотворения В. И. Туманского печатались в «Сыне Отечества», «Благонамеренном», «Полярной звезде» и были довольно популярны среди широкой публики. Наиболее плодотворными в творчестве Туманского стали 1820–1830-е гг., в дальнейшем он писал мало.

В 1846 г. Василий Иванович вышел в отставку и поселился в своём имении на Украине, время от времени приезжая в Петербург и

Москву. Он состоял почётным попечителем полтавской гимназии, во многом ему обязанной. Активно участвовал в работе комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. Невзирая на сильное сопротивление консерваторов, ему удалось объединить вокруг себя сторонников освобождения крестьян и добиться принятия решения, одобряющего отмену крепостного права. В марте 1860 г. В. И. Туманский скончался.

Почти несомненно, что знакомство В. И. Туманского с А. С. Пушкиным произошло ещё в Петербурге, в 1817–1819 гг. В 1819 г. Туманский отправился в заграничную поездку. В Париже состоялась его встреча с В. К. Кюхельбекером, который немало способствовал формированию его вольнолюбивых взглядов. Кюхельбекер не раз упоминал о Туманском в своих дневниках, посвятил ему известное стихотворение «К Ахетесу» — образец гражданской лирики 20-х гг. XIX в.

Вернувшись одновременно с Кюхельбекером в Петербург, Василий Иванович вошёл в круг будущих декабристов и примыкавших к ним литераторов. Он начал постоянно печататься в журнале «Полярная звезда». В 1823 г. уехал к новому месту службы — в Одессу. Там он снова встретился с Пушкиным, и их знакомство продолжилось. Свидетельством дружеского общения двух поэтов стало четверостишие Пушкина, датированное 1823 г.:

Туманский, Фебу и Фемиде
 Полезно посвящая дни,
 Дозором ездит по Тавриде
 И проповедует Парни⁸.

В 1826–1827 гг., в переломный период биографии Пушкина, после его приезда в Москву из Михайловского, общение Пушкина и Туманского становится более интенсивным. Вероятно, они встречались на протяжении нескольких дней в Москве в 1826 г. Непосредственным свидетельством этого служит воспоминание Туманского в письме от 12 апреля 1827 г., где он говорит, что «в прошлом году» читал Пушкину свою эпиграмму «Давно ли в шёлковых чулках». Очень вероятно, что они общались у московского приятеля Туманского В. П. Зубкова.

Через Пушкина приходили в «Московский вестник» стихи Туманского, Пушкин же отдавал в «Северные цветы» часть это-

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 170.

го поэтического запаса, распоряжаясь им по своему усмотрению. В сложной литературно-общественной ситуации конца 1820-х — начала 1830-х гг. Туманский оказывается для Пушкина «своим», близким по духу и взглядам.

Итак, в 1830–40-е годы В. И. Туманский состоял на службе в качестве помощника статс-секретаря Государственного Совета, а Д. М. Опочинина, будучи женой видного сановника, занимала высокое положение при дворе. Служебные и светские обязанности вынуждали обоих в это время подолгу жить в столице, где они могли часто видаться и общаться. Велика вероятность, что и книга, оказавшаяся позднее в фонде Опочининской библиотеки, была подарена Дарье Михайловне в Петербурге. Это не исключает, однако, и того, что Туманский мог в июне 1844 г. гостить в мышкинском имении Опочининых (известно, что на лето Опочинины нередко приезжали в деревню) и там преподнести свой подарок хозяйке дома. Но пока никаких данных относительно пребывания Туманского в Шишкине на сегодняшний день не выявлено.

Что касается книги, подаренной В. И. Туманским Д. М. Опочининой («Остромирово Евангелие 1056–57 года»), то она и по сей день представляет собой лучшее научное издание этого памятника письменности, о чём свидетельствует переиздание в 2007 г.

«Остромирово Евангелие» — первая дошедшая до нас рукописная книга, появившаяся в нашей стране. Своё название памятник получил по имени новгородского посадника Остромира, дальнего родственника князя Изяслава (сына киевского князя Ярослава). Остромир являлся высшим должностным лицом Новгорода. Впоследствии он принял крещение и получил христианское имя Иосиф. Автор «Остромирова Евангелия», дьякон Григорий, начал писать его осенью 1056 г., а закончил в мае 1057 г. Григорий и сообщил в своём послесловии об имени заказчика рукописи. Но даже при первом взгляде на рукопись ясно, что она могла быть заказана писцу только очень состоятельным человеком. Это «праздничная», богатая книга, созданная для приближённого киевского князя. Основной текст «Остромирова Евангелия» выполнен одним стилем и одним почерком, т. е. почерком писца-каллиграфа диакона Григория. Именно он выбирал для книги высокосортный, белый и тонкий, пергамен; определял пропорции полей и текста, размера и рисунка букв единственного тогда письма — устава. Но первые 23 страницы написаны в совершенно ином стиле. Однозначного объ-

яснения этому пока нет. В числе первых исследователей памятника были А. Н. Оленин, Н. П. Румянцев, митрополит Евгений (Болховитинов), Н. М. Карамзин, А. И. Ермолаев, П. И. Кеппен. Много лет посвятил изучению рукописи А. Х. Востоков. Это памятник, имеющий огромное значение для истории русского и славянского языкознания, для истории книжного дела, искусства и культуры Руси середины XI в.

«Это книга живая, пёстрая, одушевлённая...»

«Наконец давно ожидаемый публикою “Тарантас” графа Соллогуба торжественно выкатился на пустынное поле современной русской литературы. Слухи, толки и извещения о его печатании, о его великолепной наружности давно уже возбудили общее ожидание, общее внимание», — так начинает свою небольшую заметку о новом произведении В. А. Соллогуба знаменитый русский критик В. Г. Белинский⁹.

В фонде редкой книги имеется экземпляр повести «Тарантас» 1845 года издания с дарственной надписью, придающей книге значение литературного памятника¹⁰.

Впервые главы из самого известного произведения В. А. Соллогуба публиковались в отрывках в 1840 г. в журнале «Отечественные записки». В июне 1845 г. повесть «Тарантас» была издана отдельной книгой. В. Г. Белинский не преминул высказаться по поводу этого, бесспорно, важного для того времени литературного события. Содержание повести он подверг подробному разбору в 40-м томе «Отечественных записок». Экземпляр этого номера также сохранился в фонде редкой книги нашей библиотеки. В целом оценка критиком литературных достоинств повести была довольно высокой: «Это книга живая, пёстрая, одушевлённая, разнообразная».

На титульном листе экземпляра издания из Центральной городской библиотеки Рыбинска сделана дарственная надпись, содержание которой долгое время оставалось нераскрытым. Затруднения в её прочтении вызывало последнее, ключевое слово, прямо указывающее на того, кто преподносил в дар книгу, и тем самым сообщающее всей фразе необходимую смысловую законченность.

⁹ Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 530–531.

¹⁰ Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления. СПб.: тип. Journal de St.-Petersbourg, 1845. 286 с.

Но как только это «трудное» слово было прочитано, дарственная и экземпляр книги в целом приобрели исключительное значение.

Дарственную надпись следует читать следующим образом: «*Батюшке Михайле Юрьевичу от сочинителя. С-Петербург 24 июня 1845 г.*». Таким образом, в качестве дарителя книги выступил сам автор «Тарантаса» — граф Владимир Александрович Соллогуб. Имя человека, которому он подарил экземпляр своей только что вышедшей книги, также не вызывает сомнений. Это тесть писателя — граф Михаил Юрьевич Виельгорский¹¹ (отсюда родственное обращение — «батюшке»; В. А. Соллогуб был женат на дочери Михаила Юрьевича — Софье Михайловне, по праву считавшейся одной из первых красавиц столицы).

В пользу этого утверждения говорит сохранившаяся на обложке книги рукописная надпись: «*Граф Михаил Виель*». К сожалению, полностью эта надпись не сохранилась из-за невнимательности переплётчика, обрезавшего края страницы. Надпись дореволюционной орфографии сделана от руки чёрными чернилами, но почерк отличается от почерка Соллогуба. Маловероятно, что её сделал сам граф Виельгорский. Вероятнее всего, это рукописная отметка — напоминание о первом владельце книги, сделанное одним из последующих её обладателей. Возможно, им был Михаил Иванович Черников — библиофил, коллекционер, первый директор Рыбинского коммерческого училища, чей штемпельный экслибрис проставлен на том же титульном листе (из коллекции Черникова «Тарантас» и поступил в городскую библиотеку).

Всех перечисленных свидетельств вполне достаточно, чтобы уверенно утверждать: в фонде редкой книги нашей библиотеки сохранился уникальный экземпляр повести «Тарантас» с автографом её автора, преподнесённый в дар замечательному русскому меценату и композитору первой половины XIX в.

Фигура Владимира Александровича Соллогуба¹² (1813–1882) интересна с точки зрения как его литературного творчества, так и его литературных и светских знакомств. После гибели М. Ю. Лермонтова В. Г. Белинский ставил В. А. Соллогуба на второе место среди

¹¹ Энциклопедический словарь / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 12. С. 614–615.

¹² Чистова И. Беллетристика и мемуары Владимира Соллогуба // *Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания.* А., 1988. С. 3–20.

современных писателей — сразу вслед за Н. В. Гоголем. И хотя литератор на самом взлёте своей творческой судьбы остановился и не вошёл в блестящую плеяду русских писателей-классиков второй половины XIX в., он неизменно привлекает к себе внимание читателя как действительно хороший прозаик. То, что он сделал в самый плодотворный свой период, не утратило своего художественного значения и поныне. По праву вошли в золотой фонд русской мемуаристики и воспоминания В. А. Соллогуба.

Ещё будучи молодым человеком, В. А. Соллогуб в 1834 г. уверенно вступил в «большой свет» и чуть позже — в «большую литературу». К этому времени он уже был знаком с Пушкиным и Гоголем. В салоне Карамзиных писатель читал до печати свои сочинения и жаловался на ничтожность светского общества, где, однако, продолжал регулярно бывать. Эта светская ипостась В. А. Соллогуба однажды едва не пришла в прямое столкновение с литературной: начинающему литератору, обожеествлявшему Пушкина, предстояло выступить в качестве его противника на дуэли. В конце 1835 г. его незначачий разговор на бале с Натальей Николаевной Пушкиной был перетолкован светской сплетней и дошёл до поэта. Последовал вызов — и Владимир Александрович должен был принять его. Он твёрдо решил, впрочем, что стрелять в Пушкина не будет. Дуэль не состоялась: В. А. Соллогуб был в отлучке, и противники сумели съехаться только через несколько месяцев, объяснились и примирились. Позднее, сблизившись с Пушкиным, писатель стал свидетелем последнего акта жизненной трагедии поэта.

Довольно близкие отношения В. А. Соллогуб поддерживал и с другим великим русским поэтом — М. Ю. Лермонтовым. Они публиковались в одних и тех же журналах, постоянно встречались у В. Ф. Одоевского, Виельгорских, Карамзиных. В своей повести «Большой свет» В. А. Соллогуб, по его словам, изобразил «светское значение» поэта. В марте 1840 г. он посетил Лермонтова, арестованного за дуэль с Э. Барантом, на Арсенальной гауптвахте. В последний приезд в Петербург в 1841 г. Лермонтов передал жене Соллогуба — С. М. Соллогуб (1820–1878) стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю», которое она ошибочно восприняла как адресованное ей. После смерти поэта В. А. Соллогуб продолжал собирать его стихи. В его архивах сохранились автографы нескольких произведений Лермонтова.

Как близкий родственник и человек, хорошо знавший графа М. Ю. Виельгорского, Владимир Александрович в своих мемуарах довольно подробно останавливается на этой во многих отношениях примечательной фигуре, хорошо известной историкам русской культуры XIX в., музыковедам и литературоведам.

В. А. Соллогуб пишет о своём родственнике: «Граф Виельгорский... был тип “барина, доброго малого”, умевшего необыкновенно искусно соединить в себе самого тонкого царедворца с человеком, любившим и пользовавшимся не только всем хорошим, но и всем грешным. Стол его славился в те времена, когда в Петербурге трудно было удивить хорошим обедом. Его всегда приглашали приятели... суждение его составляло авторитет и всегда было чистосердечно... Он был рассеянности баснословной; однажды, пригласив к себе на огромный обед весь находившийся в то время в Петербурге дипломатический корпус, он совершенно позабыл об этом и отправился обедать в клуб; возвратясь, по обыкновению, очень поздно домой, он узнал о своей оплошности и на другой день отправился, разумеется, извиняться перед своими озадаченными гостями, которые накануне в звёздах и лентах явились в назначенный час и никого не застали дома; все знали его рассеянность, все любили его и потому со смехом ему простили»¹³.

Дом Виельгорских в 1840-е гг. был средоточием артистической жизни Петербурга. Местные и приезжие артисты находили здесь самый радушный приём. Так, например, когда Роберт Шуман в 1844 г. посетил северную столицу, в доме Виельгорских был устроен концерт с его участием. Композитор отзывался о Виельгорском как о настоящей артистической натуре и гениальнейшем из дилетантов, которых ему доводилось видеть.

На приёмах у Виельгорских «редко танцевали, но почти каждую неделю на половине самого графа... устраивались концерты, в которых принимали участие все находившиеся в то время в Петербурге знаменитости». В. А. Соллогуб писал: «Граф Михаил Юрьевич Виельгорский был один из первых и самых любимых русских меценатов; всё этому в нём способствовало: большое состояние, огромные связи, высокое... положение, которое он занимал при дворе, тонкое понимание искусства, наконец, его блестящее и вместе с тем очень серьёзное образование и самый добрый и простой нрав»¹⁴.

¹³ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 435–436.

¹⁴ Там же. С. 435.

Неудивительно, что после выхода в свет «Тарантаса» — одного из лучших своих произведений — Соллогуб преподнёс его в качестве подарка графу Виельгорскому. Авторитет последнего как знатока и ценителя искусства был непререкаем.

«Тарантас» 1845 года издания необходимо рассматривать и как выдающийся образец полиграфического искусства своего времени. Ещё в 1840 г. журнал «Отечественные записки» (№ 10), где анонсировалось издание повести отдельной книгой, обращал внимание на уровень её печатного исполнения: «Рассказ... будет состоять из 30 глав и издастся особою книгою, с множеством политипажей, рисованных нарочно для него князем Гагариным. Разумеется, издание может состояться не прежде, как все картинки и виньетки будут вырезаны на дереве в Париже. Издание будет великолепное»¹⁵.

В. Г. Белинский, оценивавший литературные произведения прежде всего с точки зрения их художественных достоинств, отдал должное замечательному типографскому исполнению: «Мы не говорим уже о том, что бумага, печать и вообще возможная в России типографская роскошь, соединённая со вкусом, не оставляют ничего желать и что в этом отношении едва ли какое-нибудь русское издание может состязаться с “Тарантасом”»¹⁶.

Особая роль отводилась художественному оформлению книги. Рисунки для неё были выполнены замечательным русским художником князем Г. Г. Гагариным (1810–1893). В 1839 г. ему довелось съездить с В. А. Соллогубом в Казань. Впечатления от поездки были использованы писателем для создания повести «Тарантас», а Гагариным — иллюстраций к ней. Остроумные, исполненные в сатирическом духе, эти рисунки принадлежат к числу лучших произведений русской книжной графики.

Вот что писал В. Г. Белинский об этих иллюстрациях: «Мы не говорим, что картинки (числом до пятидесяти) резаны на дереве мастерами своего дела и оттиснуты не по-русски: всё это вещи второстепенные. Обратим лучше внимание на самое сочинение картинок, на рисунок и скажем, что в отношении к нему “Тарантас” есть не только изящное, роскошное и великолепное, но ещё и русское издание. Вглядитесь в эти лица мужиков, баб, купцов, купчих, помещиков, лакеев, чиновников, татар, цыган — и согласитесь, что

¹⁵ Цит. по: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 752.

¹⁶ Там же. С. 530.

рисовавший их ... не только мастер рисовать, но и великий художник и знает Россию... Но не одни лица — взгляните в картинку на 48-й странице: это не только русская деревня, но и русское небо, свинцовое, тяжёлое... Автор этих картинок — художник не по званию, а по призванию»¹⁷.

В заключение отметим, что, помимо рисунков, это издание «Тарантаса» украшено 28 рисованными виньетками, также гравированными на дереве. Перед каждой главой помещены заставки: лица молодого и пожилого человека. Перед первой главой — те же лица, но фигуры почти поясные и без орнамента. Каждая глава начинается иллюстрированной буквой. В настоящее время данное издание признаётся знаковой работой в истории русской иллюстрации и русского полиטיפажа.

Исследование редкого фонда библиотеки продолжается. И вполне вероятно, что нас ждут новые находки и открытия.

¹⁷ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 530–531.